

ГЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ АСПЕКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.

This article is about such phenomenon as glocalization which can be considered as a regional scenario of globalization. The author raises the crucial issues about the social, economical and political changes in the modern world and gives the analyses of their reasons.

Современный мир стоит на пороге глобальных изменений и радикальных преобразований в самых различных сферах: экономике, политике, морали, науке, что подразумевает изменения и в самом человеческом сознании. Эпоха тотальной «переоценки ценностей», ощущение «разлома» традиционных форм культурного опыта, наличие множества альтернативных и зачастую противоречивых сценариев социального развития – все это приводит к мировоззренческому кризису и смысловой дезориентации современного человека.

Целью данной статьи является проведение философско-культурологического анализа феномена глокализации как одного из аспектов глобализации, ее регионального сценария. Реализация данной цели предполагает решение следующих задач: эксплицировать наиболее частое понимание проблемы глобализации; определить феномен глокализации и выявить его суть.

Под глобализацией понимают процесс социальных изменений последнего десятилетия, заключающийся в формировании единого всемирного рынка (т. е. победы либерализма в общемировом масштабе), всемирной информационной открытости (Интернет), появлении новых информационных технологий, а также в увеличении глобальной культурной связи между людьми и народами. По мнению Э. Гидденса, глобализацию следует рассматривать как процесс интенсификации социальных отношений, которые связывают отдаленные районы таким образом, что локальные феномены формируются под влиянием событий, происходящих на очень большом от них расстоянии, а глобальные в большой степени определяются локальными изменениями [1, р. 64].

Глобализация представляет собой не столько изменения в движении людей и вещей, сколько способ идентификации событий и явлений участниками мировой системы. В самом общем виде под глобализацией понимают процесс, который приводит к всеобъемлющему, всемирному связыванию структур, институтов и культур.

Критики глобализации обычно упрекают ее в том, что она нивелирует и унифицирует все мировые культуры. Однако более наблюдательные аналитики уже давно обратили внимание на то, что глобализация избегает тенденции к тотальному однообразию. Напротив, с усилением

глобальных процессов возрастает и их дифференциация – множество локальных культур и традиций словно бы обретают «второе дыхание». Глобализация оказывается весьма многоликой и многозвучной, и чем она сильнее, тем востребованней оказывается всевозможная локальная специфика.

Для обозначения этого двойного процесса Роланд Робертсон предложил термин «глокализация» — своего рода метафора, указывающая на то, что глобальное не исключает локального, и наоборот. Он утверждает, что глобальные и локальные тенденции «в конечном счете взаимодополняемы и взаимопроникают друг в друга, хотя в конкретных ситуациях могут прийти в столкновение» [2, р. 25].

Эти негативные «конкретные ситуации» обусловлены дуалистическим сознанием эпохи модерна, в которой конфликт между традиционными локальностями и универсалистскими тенденциями казался закономерным и самоочевидным. В ситуации постмодерна происходит процесс взаимной адаптации на основе теснейшей взаимозависимости и взаимообусловленности. Локальные культуры могут сохраниться и развиваться лишь играя свою особую роль в глобальном пространстве, а изоляционизм может привести к их утрате.

Субъекты глобальной экономики, в свою очередь, понимают, что всеобщая универсализация жизненных стандартов в условиях глобализации наносит значительный вред рынку. На это обращает свое внимание Ульрих Бек: «Додуманная до конца унифицированная культура, в которой, с одной стороны, отмирают локальные культуры, а с другой – все потребляют (едят, спят, любят, одеваются, аргументируют, мечтают и т. д.) по одной схеме, даже если разделять все это в строгом соответствии с доходами той или иной группы населения, означала бы конец рынка, конец прибылей» [3, с. 105].

Глокализация, однако, не означает буквальной реставрации прежних локальных особенностей «доглобальной эпохи», она выводит эти особенности из-под опеки национальных государств напрямую в глобальный мир. «Новый регионализм», все более стирающий государственные границы, развивается одновременно на макро- и микрорегиональном уровне. Кеничи Омаэ в своей книге «Конец национального государства. Подъем региональных экономик» [4, р. 89] описывает становление и развитие

на многих континентах особых экономических зон, объединяющих регионы, юридически принадлежащих к разным государствам, но практически гораздо сильнее связанных между собой. Автор обращает особое внимание на бурно развивающееся пространство Юго-Восточной Азии, однако и в «старой Европе» этот процесс становится все более наглядным и даже доминирующим.

В условиях эпохи модерна ведущее место занимало унитарное национальное государство, которое являлось стержневой политической моделью. В эпоху же постмодерна на смену «Европе национальных государств» все более настойчиво приходит «Европа регионов» – и этот процесс набирает силу именно по причине общеевропейской интеграции. Так, макро- и микрорегиональный уровни формируют единую, но многообразную регионально-континентальную сеть, где прямые контакты между регионами открыты. Национальное государство – величайшее политическое образование Запада, находится сегодня на краю гибели.

С точки же зрения глокализации этот процесс выглядит совершенно по-иному. Что бы не раствориться в потоке глобальной, усредненной масс-культуры, каждый регион вынужден создавать свой уникальный облик, узнаваемый в мировом контексте. Развивается и логично дополняет этот процесс система еврорегионов – культурно близких территорий на границах двух или нескольких государств. Реализуется этот проект не только внутри ЕС, но и на его границе с Россией – например, Еврорегион Карелия. Этот процесс вполне соответствует «духу постмодерна» с присущими ему ориентациями к междисциплинарным пространствам. Более того, в сетевом информационном обществе географические расстояния окончательно утрачивают какое бы то ни было значение для интенсивности взаимодействий.

Время значит все меньше в нашей постсовременной цивилизации. В определенных сферах жизни оно настолько сжато, что перестает восприниматься даже как символическое – время раздумий, время принятия решений, время действий и т.д. Оно утрачивает свое бывшее физическое понимание и зачастую не подчиняется человеку, а протекает помимо его сознания, а иногда и вопреки его воле.

В компьютеризированном времени фактически отсутствуют естественно-природные состояния, поскольку нет времени суток, нет ни рабочих, ни досуговых, ни прочих социально-антропологических форм хронометрии. По сути дела время техники и экономических процедур сегодня необратимо отчуждено от биологических часов современного человека. Вместе с тем автономное компьютеризированное время уже не зависит и от социального времени,

получая тем самым направление как параллельное время, оно становится все менее приметным в повседневной жизни человека и, тем самым, утрачивает свои бывшие психологические значения.

Данный процесс касается и социального времени, которое индивидуализируется [5, р. 27]: в социальном пространстве получают параллельное хождение альтернативные временные шкалы и системы. Это значит, что постсовременное общество перестает жить по единым социальным часам, и в нем исчезает то, что для модернистского проекта было, пожалуй, самым существенным – солидаристическое понимание исторического времени.

Как следствие этого, историческое время постсовременным человеком радикально пересматривается, причем настолько радикально, что он вообще перестает воспринимать социальное время как прогрессирующее, движущееся вперед, и, следовательно, отказывает ему в этой важнейшей – для модернистского проекта – гранднарративной сущности [6, с. 68].

Кризис гранднарративного времени, словом, приводит к тому, что сегодняшняя солидарность людей все реже выстраивается в режиме хронологического движения («достигнуть», «развить», «догнать», «не опоздать» и т.п.), и все чаще – в пространственном аспекте вневременного взаимодействия культур («просто жить»).

Пространственный аспект постсовременной актуальности, ухваченный социальной мыслью в новых, для классической социологии понятиях «места» и «потоков» [5, с. 228], концентрирует внимание авторов постсовременности на «глобальном» и «локальном» измерении реальности, как на наиболее фундаментальных проявлениях сегодняшней социальности.

Глобальное и локальное в своей универсальности и социокультурной комплиментарности образуют сегодня принципиально новую шкалу реальности, которая полностью вытесняет из практик постсовременных акторов логику модернистского сравнения. И, в этом смысле, знаковым процессом сегодняшнего поворота во всемирной истории можно считать глокальную реорганизацию социального пространства, которая, в качестве референтной социокультурной матрицы, подменяет собой все утраченные гранднарративы модернистского времени [2, р. 28–29].

Территории (и даже группы и индивиды) отныне отличаются друг от друга не историко-хронологической «развитостью» или «отсталостью» по модернистской шкале, а своим неповторимым рисунком того, как в них переплетаются включенность в глобальные потоки и следование местным культурным традициям, социальным устоям. По глокальному критерию

разнятся страны, города, регионы, организации и отдельные индивиды. Их анализ дает основание говорить о неравномерности их развития по отношению друг к другу и неравнозначности их статусов. Однако такое сравнение сегодня уже не образует символического смысла и вряд ли может использоваться как солидаристический фактор – в политическом ли смысле, или при формировании новых идеологий развития.

Идентичность места сегодня, скорее, детерминирована глокально, т.е. структурирована пространственно, нежели предопределена логикой символического времени.

Постсовременные условия Р. Робертсон предлагает интерпретировать как дивергентную модернизацию, то есть как глобальное пространство постоянно возрастающих партикулярностей (в противовес тенденции к универсальным социальным смыслам эпохи «простой» модернизации). Это теоретическое построение основано на довольно четком различии двух типов социальных теорий модернизации – «гетерогенных» и «гомо-генных».

Приверженность к стратегиям глобальной солидарности требует от локальных сообществ прозрачности, ясности и почти абсолютной открытости для мировых – информационных и финансовых – потоков. Но именно эта открытость и предсказуемость для внешнего мира провоцирует «на местах» обратный процесс искусственного социального «конструирования» локально-культурной самобытности, порождающей новое, для конца столетия, явление – «коммуитарный фундаментализм». [7, р. 78] Пространственная «открытость» и, одновременно, культурная «закрытость» локальных сообществ становятся дифференцирующим фактором физического и социального соседства. На этом балансе сегодня выстраивается горизонтальная иерархия индивидуальных и коллективных субъектов постсовременности.

Глокальная реорганизация мира неизбежно приводит к реформе модернистского проекта в морали и провоцирует генезис т.н. глокальной этики. Уже само понятие глокальной этики в своем словообразовании содержит весьма четкую артикуляцию сегодняшнего нравственного кризиса. «Глокалэтика» отвечает на вызовы эпохи и демонстрирует энергично глобализирующемуся миру новую этическую матрицу, предполагающую уже не столько компиляцию из разных культурно-антропологических моделей морали, сколько принципиально инновационную для всей классической этики культурно-идентификационную возможность того, что, в принципе, было невозможно все предшествующие столетия «простой» современности – состыковку, сосуществование рациональной морали и реальных нравов.

«Глокалэтика», иными словами, преодолевает в культуре и человеке модернистское противоречие «категорической» морали и разнообразия «реальных» нравов.

В глокальной этике постепенно артикулируются инновационно-пространственные принципы, а именно:

1. принцип территориальности, предполагающий отказ национальных государств от политики ущемления всего «локального» и проповедующий согласие глобального с местно-региональным в праве, социальном общежитии, культурном взаимодействии и т.д.;

2. принцип коммуитаризма [8, р. 180], не имеющий ничего общего с модернистским коллективизмом, знаменующим собой процесс формирования новых моральных общин «снизу», а с ними – приход «новой» этики соседства и «новой» ответственности за Другого. [7, р. 235]

Информационные революции последних двух-трех десятилетий сформировали принципиально инновационное этическое измерение взаимодействия и коммуникации в реальности, которую принято именовать виртуальной. Очевидно, что телеметрическое пространство, хоть и набрало достаточную мощь для выработки аутентичного опыта нравственного взаимодействия в интернет сетях, тем не менее, виртуальная этика, как никакая другая из «глокалэтик», пока еще остается проектом грядущего поколения пользователей.

Среди конфликтов и противоречий современного мира кризис идентичности, как отдельного человека, так и общества в целом, является основополагающим, поскольку даже экономические проблемы отходят на второй план в сравнении с невозможностью для представителей основных социальных групп найти приемлемый для большинства ответ на вопрос: «Кто мы такие?» и вытекающие отсюда ответы о целях, смыслах, ценностях отдельной личности и выборе ею пути. З. Бауман отмечает, что «впечатляющее возрастание интереса к «обсуждению идентичности» может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления» [9, с. 176–177]. Несоответствие критериев самотождественности и самоидентификации новому порядку вещей, распад представлений о том, чем являются люди и страны, и есть проявление кризиса идентичности.

Под идентичностью обычно понимают интегрированность человека и общества, их способность к осознанию самотождественности и ответу на вопрос: «Кто я такой?». Идентичности противопоставляется мультикультурализм, культурное многообразие, которые могут быть представлены как естественная

самотождественность (в первом) и разнообразие (во втором случае), развертываемая в рамках реализации проекта «глокализация».

Многообразие культур, конфессий не тождественно мультикультурализму или, по крайней мере, не всегда тождественно ему. «Плавильный тигель» американской культуры не отменял и не отменяет многообразия, а находит для него интегрирующие рамки, делает дифференциацию и интеграцию культур взаимосвязанными процессами. Подобный процесс происходил и в России, где политика мультикультурализма ельцинской эпохи поощряла этноцентризм, ослабляя тем самым интеграционные процессы. В настоящее же время в России набирает силу тенденция к интеграции культурного многообразия, объединение различных народностей в единый конгломерат.

Во многих случаях многообразие обществ и культур не устраняется глобализацией, поскольку возникающий конфликт между людьми, мыслящими категориями глобального мира, и людьми, ассоциирующими себя с локальной субкультурой, — это конфликт мультикультурализма и идентичности, пути преодоления которого намечаются в концептуальных построениях теоретиков «глокализации».

По мнению Р. Робертсона, глобальное не может быть противопоставлено локальному, универсальное — частному, поскольку локальное является аспектом глобализации, глобальное создает локальное. Традиционные виды деятельности, характерные для локальных обществ исчезают, на их место приходят другие виды деятельности, далекие от этих локальных контекстов. Поэтому, как было отмечено выше, Р. Робертсон предлагает заменить для большей точности термин «глобализация» «глокализацией» [2, p. 30].

Было бы неверно считать, что глобальным является только то, что исходит исключительно от обладающего мощью и силой Запада. Скорее всего, влияние локальных культур на глобальные процессы сильно недооценивается, ибо «локальные культуры приговорены к свободе». [2, p. 39] Локальные культуры придерживаются традиции, которую, вместе с тем, связывают с глобализацией. Так в 1982 г. ООН признала существование туземцев, т.е. установила критерии, с помощью которых ту или иную общность можно отнести к туземцам. Локальное сделалось фактором глобального мира, было понято и зафиксировано всеми. Тогда, говорит Робертсон, встал вопрос о разнообразии не только на «мировом пространстве» — глобальном уровне, но и на локальном. Идея мирового пространства дает возможность рассматривать локальное как микропроявление глобального в противоположность идее, что

локальное — всего лишь анклав культурной, этнической или расовой замкнутости.

Глобализация выступает как фактор плюрализации идентичности, которая выступает интегральным параметром взаимодействия людей и не сводится к социальным ролям. Ее ядро составляют традиционная, национальная культура, для существования которой глобализация является сильнейшим испытанием. Основным средством сохранения идентичности выступают диалог и преемственность культур, однако они затруднены в случае кризиса идентичности или ее быстрых изменений, а также в ситуации плюрализации идентичности. Это относится и к индивиду, и к конкретным обществам.

В глобализирующемся мире идентичность становится основным дискурсом как науки, так и повседневной жизни. Во-первых, потому, что расширяется потенциальное поле для взаимодействия и обогащения культур.

Во-вторых, потому, что многие общества, народы и индивиды испытывают кризис идентичности, который имеет место как в странах бывшего советского блока, так и в западных демократических стран; она, по-видимому, универсальна на этапе перехода, когда старые идентичности потеряли смысл для большинства людей, а новые еще не созданы.

В-третьих, видение глобализации и участие в ней зависит от того, кто оценивает данный процесс. Одно дело, как ее представляют люди, говорящие по-английски и свободно путешествующие по всему миру, другое дело — человек, не покидавший своей страны и судящий о мире по телевидению, и совсем иначе — воспринимает глобализацию население в беднейших странах Африки, хотя даже там уже пользуются Интернетом.

Глобализация усиливает процессы фрагментации, многообразие возможностей, самоопределение в отсутствие авторитетов и стандартизированное квазирыночное поведение. Именно таковы рамки глобальной идентичности, тогда как на уровне локальной идентичности мы видим унификацию, сокращение возможностей, веру в авторитеты и преобладание индивидуального опыта.

Проблема идентичности в процессе глобализации включает обозначение своего места в транснациональном экономическом пространстве, культурную идентичность, персональную идентичность, необходимую для подавления тревоги и фрустрации. Идентичность предстает как персональная самоотождественность, если речь идет об индивиде, и как социальная интегрированность, способная вызвать ощущение самоотождественности у целого народа.

Людей и общества, переживающих кризис идентичности, уподобляют человеку без адреса. Желание понять себя, найти себя, на что-то

опереться вызывает у них то, что Х. Арендт назвала тоталитарным соблазном. Изменение роли национального государства, появление транснациональных пространств не лишают людей национальной принадлежности и уверенности по поводу их национальной и локальной культуры. В условиях глобализации даже увеличивается интерес к локальным явлениям. У тех обществ и людей, которые не ощущают себя входящими в глобальный мир, можно заметить как раз ослабление их локальной идентичности, потерю самоуважения и чувства собственной значимости, рост разочарования в местных особенностях. На сегодняшний день совершенно очевидным является факт весьма существенного взаимодействия глобализации и национальных и этнических культур.

В свете обострения борьбы между транснациональными компаниями и движением антиглобализма со смещением в сторону отстаивания прав национальных производителей и потребителей, глокализацию следует рассматривать компромиссным вариантом формирования планетарного рынка производства и потребления универсальных товаров, мультикультурализма или даже плюралистической идентичности.

Подводя итоги работы, проведенной в соответствии с целевыми установками и задачами можно сделать следующие выводы. Под глобализацией обычно понимают процесс социальных, заключающийся в формировании единого всемирного рынка, всемирной информационной открытости, появлении новых информационных технологий, а также в увеличении глобальной культурной связи между людьми. Было отмечено, что глобализацию следует рассматривать как процесс интенсификации социальных отношений, которые связывают отдаленные районы таким образом, что локальные феномены формируются под влиянием собы-

тий, происходящих на очень большом от них расстоянии, а глобальные в большой степени определяются локальными изменениями. Этот двоякий процесс Р. Робертсон обозначает термином «глокализация», который выступает в качестве своеобразной метафоры, означающей, что глобальное не исключает локального, и наоборот. Глокализация не означает буквальной реставрации прежних локальных особенностей «доглобальной эпохи», она выводит эти особенности из-под опеки национальных государств напрямую в глобальный мир. Глокализация является ответом на специфический вызов глобализации, на основе усугубления конфликтов между людьми локальной культуры и людьми, ощущающими, что они живут в глобальном мире.

Литература

1. Giddens, A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age* / A. Giddens. – Cambridge, 1991. – 246 p.
2. Robertson, R. *Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity* // Featherstone M., Lash S., Robertson R. (Eds.) *Global Modernities*. – London, 1995. – 245 p.
3. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек. – М., 2001. – 304 с.
4. Ohmae, K. *The End of the Nation-State. The Rise of Regional Economies* / K. Ohmae. – London, 1995. – 215 p.
5. Beck, U. *Risk Society. Towards a New Modernity* / U. Beck. – London, 1992. – 280 p.
6. Нора, П. История – память / П. Нора. – СПб., 1999. – 150 с.
7. Smith, M.P. *Transnational Urbanism: Locating Globalization* / M.P. Smith. – Oxford, 2001. – 410 p.
8. Castells, M. *The Rise of the Network Society* / M. Castells. – Oxford, 1996. – 363 p.
9. Бауман, З. *Индивидуализированное общество* / З. Бауман. – М., 2002. – 390 с.